

С. ЛЕНИНГРАДСКИЙ

Д.Х.

ЛЕНИН

СРЕДИ КРЕСТЬЯН

ДЕР.

КАШИНО

М 305617

ВНЯ,

24

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач. _____

Д.Х.

Б

З ТМОО Т. 3.600.000 З. 3104—88

ПВО ВРЕМЯ ЧТЕНИЯ

Не загибайте углов.

Не делайте надписей на книге.

Не смачивайте пальцев слю-
ною, перелистывая книгу.

Завертывайте книгу в бумагу.

305617

Да здоровствует союз рабочих и крестьян!

335-547

1453

С. Ленинградский

335.54

1453

3326

1453

Б.Д.

ЛЕНИН

СРЕДИ КРЕСТЬЯН

ДЕРЕВНИ КАШИНО,

Яропольской вол., Волоколамского у.

1944 г.

КНИГОХРАНИЛИЩЕ

ОБЛ. БИБЛИОТЕКИ

С. издание

В. КОЛЛЕКТОР

Уч. Ол. Д.

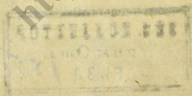
ГИЗЛ

155

Издательство Наркомзема
„НОВАЯ ДЕРЕВНЯ“
Москва—1924.

338.5a! 92

СОУНБ им. В. Г. Белинского
<http://book.ugraic.ru/>

Главлит 22.846

Тираж 30.000

Типо-литогр. „Новая Деревня“. Москва, 2-я Рыбницкая, д. 3.

По ленинской дороге.

Деревня Кашино, Волоколамского уезда — в шести верстах от города.

Равнина и снег. Только попадаетесь небольшой запущенный лесок. Да налево от дороги фабрика б. бр. Старшиновых, которою заинтересовался Владимир Ильич, когда в закрытом автомобиле проезжал в Кашино из Волоколамска.

Единственная труба. Большой кирпичный корпус.

И опять равнина и снег. Встречу — неповоротливые сани. Лошади зарываются с дороги в сугроб.

А по краям все столбы и столбы. До самой деревни тянутся провода.

Деревня Кашино обыкновенная, ничем от других не отличается.

Те же крестьянские избы в три окна, в пять; избы на одну и на две половины. До окон затеплены пучками соломы.

Улицы—широкие. По несколько берез перед каждым домом.

Груды сучьев. Лающие дворняги. Крестьяне в полушубках и сыромятных тулупах, разорванных на плече.

А скажи им, что деревня Кашино обыкновенная деревня—и слушать не станут...

— Разве все деревни имели счастье видеть Ленина?

Кашинским крестьянам это счастье выпало 14 ноября 1920 года.

Кашинские крестьяне пригласили тов. Ленина и ждали его с нетерпением.

Они ждали увидеть Ленина—строгого, официального.

— Посмотрит и уедет.

А он приехал к ним простым и ласковым человеком.

Приехал на какие-нибудь полчаса—час, а сказал больше, чем другие за год.

Потому что каждое слово Ильича было золотое. Если что и не сказал Ильич кашинским крестьянам, так это то, что они ему очень понравились.

Кашинские крестьяне—мужики дельные и чуткие. Они сразу любовь Ильича почуяли и открыли ему все.

Когда им сказали, что Ильича больше нет, что Ильич утомился от нечеловеческой работы ради блага рабоче-крестьянского союза и умер, кашинские крестьяне плакали.

Они его встречали, как простого человека, не как главу советского государства, потому что никто не верил в его приезд.

Когда Ильич от них уехал, они его проводили восторженно—просто и долго смотрели на ту дорогу, по которой уехал Ленин.

Теперь, когда Ильич умер, кашинские крестьяне вспомнили, что кроме той шоссейной дороги, по которой он уехал из Кашина,—Ильич указал им другую дорогу, свою, Ленинскую.

А ленинская дорога ведет к Социализму. Она трудная, тяжелая, но единственно верная.

И кашинские крестьяне решили идти по Ленинской дороге.

Ильич приезжал к ним смотреть электрическую станцию и говорил, что электричество великая сила, но в руках трудящихся—эта сила величайшая.

И заветы Ильича крепко сидят в головах кашинских крестьян.

— Ильич сказал нам, что электричество обрабатывает землю, и мы хотим этого.

— Ильич сказал нам, что электричество может удобрять, возить, и это, будет.

— Ильич умер, но живет и жить будет его учение.

— Живы заветы Ильича. Надо исполнять их.

Золотые слова Ильича кашинские крестьяне помнят, и пусть эта маленькая книжка о Владимире Ильиче Ленине, составленная из воспоминаний кашинских крестьян, будет венком от них на могилу любимого их вождя и учителя.

История электрификации в Волоколамском уезде.

С переходом власти в руки трудящихся, вопрос об электрификации деревни стал перед Советской властью на ряду с другими культурными и экономическими задачами.

В Волоколамском уезде, Московской губ., электрификация прежде всего коснулась уездного города (в 1918 г.).

В 1919 году вопрос об электрификации деревни был поднят *самими крестьянами*.

Инициаторами, первыми начинателями электрификации деревни в уезде были крестьяне села Ярополец.

Электрификация этого села началась по инициативе и под руководством *П. Н. Кирилина*, крестьянина села Осташево, работавшего в селе Ярополец. Для электрификации села Ярополец и окружающих его деревень создан кооператив, который с помощью Волоколамского уисполкома, отпустившего для начала работ сто тысяч рублей, дензнаками того времени, начал постройку гидроэлектростанции на реке Ламе, при плотине яропольской мельницы.

Мельница эта раньше принадлежала помещику Безобразову и была передана уисполкомом яропольскому кооперативу.

Уисполком отпустил селу Ярополец небольшую динамо-машину, взамен которой в городе Волоколамске устанавливалась более мощная.

Когда кооперативу в селе Ярополец удалось засветить электрические лампочки в крестьянских избах, сараях и пр. — неожиданный свет привлек внимание всего окружающего крестьянского населения, проезжавшего мимо села Ярополец.

Электрификация стала интересоваться почти всех крестьян уезда, имеющих возможность получить

двигательную силу для выработки электрической энергии,—или от водяных мельниц, или от имевшихся где-либо тепловых двигателей.

Крестьяне охотно собирали для нужд электрификации средства натурой (рожь, овес, картофель) и денежные. На эти самостоятельно добытые средства крестьяне нанимали квалифицированных рабочих-специалистов по постройке и оборудованию электрических станций.

Кроме того, крестьяне, сами, охотно, подчас семьями, шли на различные работы по заготовке и подвозке требующихся материалов и делались чернорабочими.

За 1919 год в уезде было приступлено к постройке крестьянским населением *7 электрических станций.*

В дальнейшие же годы к ним прибавилось еще 6 и было приступлено к расширению имевшихся ранее электростанций.

Деревня Кашино, Яропольской волости, вначале не была включена в район освещения электрическим светом от Яропольской гидроэлектростанции, по причине дальности расстояния деревни от села Ярополец.

Крестьяне деревни Кашино были этим очень удручены, но мысль о возможности получения электрического света их не покидала.

Они решили оборудовать собственную электрическую станцию. В то время у них имелся небольшой нефтяной двигатель при существовавшей тогда трудовой артели по выработке и

ремонту сельско-хозяйственных орудий, преимущественно веялок.

Напрасны были уговоры председателя местного Совета народного хозяйства. Он убедил

Устроители электрической станции в дер. Кашино.
В середине Сергей Курков, слева Дмитрий Родиснов,
Справа—дедушка Андрей, отец Сергея.

гельно доказывал крестьянам деревни Кашино, делегированным к нему, что электрическая станция, которую они хотят устроить на нефтяном двигателе, в настоящих условиях советского хозяйства,— явится не экономным новшеством.

Нефти в Республике мало, да и получить ее очень трудно. Не менее затруднительно будет достать электрические принадлежности и другие необходимые материалы.

Кашинские крестьяне твердо стояли на своем: давай им электрический свет, и только!

— Чем мы хуже яропольских.

— Ждать не можем...

Крестьянин Дмитрий Родионов.

Крепко сложенный, среднего роста. Небольшая коричневатая борода, вдумчивые глаза, неприглаженные волосы.

В голове этого крестьянина-кустаря еще в 1916 году зарождается мысль осветить деревню.

На деревне он первый организатор и вдохновитель всяких нововведений.

— Я работал и организовал кашинскую трудовую артель,—гордо говорит он.

Трудовая артель существовала с 1913 по 1918 год.

Три года Дмитрий Родионов состоял председателем яропольского кредитного товарищества.

Начинается война. Трудовая артель, работая на оборону по снарядной части, увеличивает свой капитал и приобретает нефтяной двигатель.

Во всем направляющая рука и зоркий хозяйственный глаз Дмитрия Родионова.

После Октябрьской революции начинает пропадать с рынка керосин.

Старая дума не дает покоя крестьянину-организатору,

— Мне часто приходилось быть в Москве, я видел все удобства от электричества и завидовал горожанам.

— В 1918 году я решил устроить электричество и в своей деревне, сначала в мастерских артели, чтоб у рабочих были в первую очередь удобства, чтобы не тратить зря свои силы.

— Свою мысль я высказал на общем собрании артели, и артель, согласившись со мной, сделала свое постановление:

— Осветить мастерские!

Несмотря на это постановление, дело застопорилось.

Дмитрия Родионова отзывают в город Волоколамск, где он и остается на должности заведующего отделом деревообрабатывающей промышленности.

Постановление остается на бумаге, пока Родионов снова не начинает энергично действовать.

Он решает не только осветить мастерские, но и дать электрический свет всей деревне Кашино.

— „Я решил, что устройство электрификации без создания специальной комиссии, которая могла бы отдать все свои силы целиком этому великому делу,—немыслимая вещь и тогда же

наметил себе в помощники энергичных товарищей из крестьян: Сергея Андреевича Куркова и Иосифа Сергеевича Карабанова. В них я рассчитывал найти хороших работников,—и не ошибся.

Мы, обсудив вопрос, решили организовать сельско-хозяйственное товарищество под названием „Заря“.

Было созвано общее собрание крестьян деревни Кашино.

Крестьяне охотно приняли предложение тройки и выбрали ее в правление.

Сельско-хозяйственное товарищество „Заря“—было организовано.

Крестьянин Дмитрий Родионов в правлении товарищества, как старший и опытный работник, стал председателем, Карабанову пришлось быть казнохранителем товарищества, а на долю молодого крестьянина Сергея Куркова выпала обязанность быть главным приобретателем материалов и в то же время исполнителем всяких предложений.

В конце 1919 года сельско-хозяйственное товарищество деревни Кашино приступило к своей плодотворной работе.

Крестьянин Сергей Курков.

27 лет. Энергичное, жизнерадостное лицо. Светлые волосы, загорающиеся голубые глаза, голос мягкий, в разговоре, часто увлекаясь, не находит необходимых слов.

Счастливейший человек в деревне Кашино.

Это он пригласил Ильича на открытие кашинской электрической станции.

У него под ногами часто возится маленький сынок, и когда отец ему говорит:

— Готовься!

Тот отвечает:

— Готов!

Маленький сын Сергея Куркова играет в динаму и турбин.

Комната у Сергея Куркова просторная, светлая, четыре окна в ряд и два с простенком. Вдоль стены—ряд стульев.

Много крестьян приходит к Сергею Куркову.

У молодого хозяина в просторной комнате есть письменный стол. Письменный стол в деревне!—заваленный бумагами и чертежами. А над столом небольшой плакат:

Ленин на земном шаре стоит и рукой показывает на будущее.

Тот самый Ленин, которого пригласил Курков в деревню посмотреть, как выглядит электрический свет в избах.

— „Когда я был выбран в правление сельскохозяйственного товарищества „Заря“, мне пришлось отправиться в Москву. Смета на устройство и оборудование электрической станции была утверждена еще в середине 1919 года. Во время моей поездки,—в Москве нам разрешили получить по этой смете половину требуемых электрических материалов.

— Разрешили—это одно, а получи—это дело другое.

Материалы находились на разных складах, и мне пришлось за ними погоняться достаточно, но Московский Совет народного хозяйства денежно помог нам, и материалы были получены.

В начале 1920 года мы приступили к проводке электричества в избы и тянули уже магистральную линию. Рабочие-специалисты были из Волоколамска.

К концу работ оказались недостатки. Государственные склады нам не отпустили, что требовалось, и перед нами возник вопрос:

Как быть, что делать — продолжать или кончить?

Мы решили выкрутиться из положения и купили недостающие материалы у частного лица, хотя это было в то время запрещено. Мы не чувствовали себя виноватыми в этой сделке, да к тому же у нас всех перед глазами с потолков свешивались шнуры, принуждавшие нас к дальнейшим работам. Однако, иначе посмотрела на „дело“ приехавшая контрольная комиссия и за то, что мы не положили 90% полученных материалов в сарай и прикупили остальные 10%, — мы попали на скамью подсудимых.

Суд постановил: сельско - хозяйственному товариществу „Заря“ — сделать внушение, чтобы на следующий раз мы правил не нарушали.

Но мы, повторяю, не унывали и продолжали спокойно делать свое.

В товариществе состояли членами все крестьяне

деревни Кашино, за исключением кулаков, которые давно над товариществом посмеивались и палец о палец не стукнули, чтобы помочь ему.

Члены товарищества—крестьяне внесли необходимые деньги, и мы купили динамо.

Кулаки говорили:

„Вот тоже выдумали. В такое-то время да электричество!“

А мы шли своим путем, и 1-го ноября 1920 года достигли столь желанной издавна цели“.

Электрический свет в деревне.

Динамо-машина была привезена, установлена на фундаменте. К ней привернули болты и натянули ремень.

Все делалось лихорадочно. Во многих избах не было еще электрических лампочек.

С 1-го ноября 1920 года с трепетом сердца решено было „попробовать“.

Часов в семь вечера дали свет.

Линия уличных фонарей, которые были включены все, засветилась сразу.

Все крестьяне деревни Кашино не верили случившемуся.

— „Я,—рассказывает Сергей Курков,—побежал домой. Есть ли и в моей избе свет?“

Вскакиваю, а отец—целоваться лезет“.

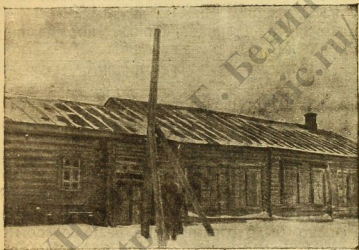
Деревня поднялась вся!

Все, и малые и старики,—все, у кого в избе не было лампочки, выбежали на улицу, как на пожар.

Подымая головы, они переходили от одного фонаря к другому.

Несмотря на морозный воздух, многие были одеты легко, на-распашку и стояли на улице до ночи.

У кого свет был в избе,—те радовались и прыгали вокруг лампочек, любуясь своими ли-

Электрическая станция дер. Кашино,
на открытие которой приезжал тов. Ленин в 1920 году.

цами, стенами, которые имели совсем другой вид.

Деревня Кашино не помнит повода, когда все бы так радовались, как в этот день.

Началась борьба за электрические лампочки.

Запрягали лошадей, чтобы перевезти монтеров от избы к избе, хотя было и всего три шага пути.

Все суетились, толпились и недоумевали.

Долго крестьяне потом смеялись над одним случаем, происшедшим в этот памятный для них день.

Когда Дмитрий Родионов прибежал домой, чтобы удостовериться,—свет в его избе не зажегся, кое-что было испорчено.

Родионов взял лампочку, и на другой половине избы ввернул ее. Она зажглась.

Старуха и старик Гаврила, проживавшие здесь, ахнули.

— Да какой ты стал хороший, — белый-то какой!

Теперь и помирать можно.

А старик ходит вокруг светящегося шарика и широким-то крестом крестится.

Смеху что было над ними в то время,—не рассказать!

Тотчас же после пробного пуска электрической станции была избрана ее администрация.

Решено было ознаменовать великое событие в деревне, приготовить скромный, но по тому времени богатый обед с приглашением на него всех представителей уездной и центральной власти, оказывавших крестьянам помощь в деле электрификации деревни Кашино.

Выработали порядок празднования, разослали приглашительные письма. Курков предложил крестьянам:

— „А не пригласить ли нам Владимира Ильича Ленина?“

Одни соглашались, другие говорили:

— „Да как беды какой не накликать. Дескать, как вы смели“?

Колебались недолго. Желание видеть тов. Ленина взяло верх.

В Москве письмо было передано в Совнархоз и оттуда вместе с бумагами было отослано с курьером в Кремль.

— Мы верили в его отзывчивую душу,—и по сие время говорят крестьяне деревни Кашино.

В настоящее время этой электрической станции уже не существует. Деревня Кашино включена в район и получает свет от Яропольской гидроэлектростанции, которая благодаря даровой силе воды, освещает 16 окружных деревень.

После открытия своей электрической станции кашинские крестьяне предполагали и у себя устроить нечто подобное, осветить три близлежащие деревни и уже приступили было к постройке нового помещения, но сделать районную электростанцию им не пришлось.

В старом здании электрической станции теперь опять находятся мастерские, которые освещены.

Силами крестьян и молодежи было недавно достроено здание предполагавшейся районной станции и теперь в нем кашинские крестьяне открыли свой крестьянский клуб, имени Владимира Ильича Ленина. После перехода к Яропольской электрической станции,—сельско-хозяйственное товарищество „Заря“ временно прекратило свою работу, но теперь оно возникло снова.

Неутомимые крестьяне-организаторы, как

Дмитрий Родионов и Сергей Курков попрежнему стремятся к укреплению крестьянского хозяйства, как это они делали в тяжелые годы разрухи, прокладывая магистральную линию, привинчивая динамо и т. д.

Ильич на открытии.

13 ноября 1920 года деревня Кашино была настроена тревожно. Завтра должно было состояться торжественное открытие электрической станции, а потому обыкновенная жизнь отошла в сторону.

В самом лучшем и просторном доме деревни, у бывшего церковного старосты, шли обеденные приготовления.

На это нашлись свои специалисты, готовили деревенское пиво, студень и прочие незатейливые блюда крестьянского стола.

Все готовились широко отпраздновать событие и ждали кого-то важного, властительного...

Не обошлись на этот раз и без смешного.

Местный отдел народного образования послал накануне открытия в деревню Кашино своего фотографа, чтобы он заснял электрическую станцию и на другой день—открытие ее.

Фотограф Федор Феофанов, долго бывший рабочим на Путиловском заводе, участник революции 1905 года, приехал в Кашино к крестьянину Сергею Куркову.

Когда он остановился на отведенной ему квартире у начальника пожарной дружины,—среди

крестьян распространился слух, что приехал кто-то из приглашенных.

— Некоторые приходили ко мне,—рассказывает Феофанов,—и когда узнавали, что я лицо неофициальное, смело пускались со мною в разговор о своей жизни. Крестьяне изливали свои обиды на Советскую власть, зачем у них закрыты два маслобойных завода. Так как я отстаивал местные распоряжения,—у нас завязался оживленный спор, продолжавшийся до поздней ночи. Крестьяне говорили о подразверстке и т. д.

Но более всего у них на языке было—электричество.

— Мы гордимся, что у нас будет такой же свет, как и в городе,—говорили они,—хотя и трудненько пришлось. Хлеба взять негде.

14 ноября день был праздничный.

За фотографом толпою бегали ребяташки, пока тот снимал электрическую станцию, деревню и выискивал удобное место около того дома, куда к часу дня начали уже приезжать представители местной власти.

Было немного снегу, морозило и изба была переполнена.

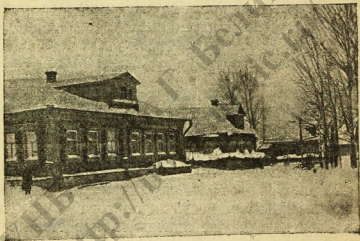
Три часа дня. Все толпившиеся у избы не думали, что Ильич может приехать,

— Я,—рассказывает очевидец Феофанов,—устанавливал аппарат, делал приготовления. Вдруг к дому быстро под'езжает закрытый автомобиль, видать, что не из уезда. У всех разные предположения. Ко мне подбегает заведывающий нар-образом Синев, Я посмотрел на него и не знал,

что с ним делается. Прыгает, что-то хочет сказать, и не знает. Радостная улыбка, глаза разбежались. Схватил меня за плечо, крикнув:

— Ильич приехал!

побежал в избу. Я—со двора, с черного хода: все ходы мне были известны еще накануне открытия. Вбегаю в избу. Струнный городской

Дом, в котором останавливался Ильич 14 ноября 1920 г.

оркестр играет Интернационал. Рядом с дверью стоит плотный, коренастый Ильич, с первого взгляда как бы строгий, серьезный, а взглядишь—ласковый и добрый,—стоит Ильич с обнаженной головой, в простом меховом пальто и с разорванной галошей на правой ноге, держит в руках свою чухонскую с ушами шапку.

А рядом с ним в ватном старомодном пальто,

в белой зимней шапке и с муфтой — Надежда Константиновна.

Струнный оркестр кончил.

Крестьяне подбежали к Ильичу, желая услужить и помочь ему снять шубу.

— „Ничего, ничего, я сам разденусь“, — сказал Ильич, и в его словах чувствовалась такая твердость, что никто не посмел ему противоречить.

Ильич разделся, оставшись в своем сером поношенном костюме, помог Надежде Константиновне и повесил пальто и шубу на гвоздь тут же возле кровати.

Представлявшимся каждому в ответ на сказанную фамилию Ильич жал руку и отвечал:

— „Ульянов-Ленин“.

Ильича пригласили к деревенскому столу. Он сел лицом к окну, рядом с крестьянами и представителями из Волоколамска.

Остальные старались подойти поближе.

— „При встрече с Ильичем мы остолбенели, — вспоминают крестьяне, — нас затрясло от радости. Но за столом мы уже не стеснялись Ильича, полюбили его, как отца родного. Словно долгое время жили вместе“.

Ильичу предложили отведать деревенского студня.

Крестьянин Дмитрий Родионов на подносе поднес ему и Надежде Константиновне по стакану крестьянского пива.

Ленин спросил:

— „А не хмельное?“

И когда узнал, что нет,—чокнулся с Родионовым и выпил. Ел Ильич очень мало. От приглашения обедать и от всяких услуг отказался.

— Я как поехал, закусил, да и так я ем очень мало,—говорил он.

За столом Ильич более всего разговаривал с крестьянином Родионовым, который прежде был мелким кустарем и имел небольшую кузницу; говорил Ильич и с другими, все как бы вызывая их на дальнейший разговор и полную откровенность, все время прибавляя, прямо глядя в лицо:

— Ну, а дальше, дальше.

Глаза Ильича серьезные и вместе с тем смеются, с задором.

Словно испытывают:

— А ну, скажи-ка, что?

Родионов не смел подробно рассказывать про свое бывшее имущественное положение.

Кличка „буржуй“, своеобразно понимаемая крестьянами, мешала его откровенности.

Проницательный Ильич заметил это и сказал ему:

— Ну, какой вы капиталист! Разве мы против таких капиталистов боремся?

Темнело.

Пришлось собрать крестьян. Когда фотограф об'явил им, что они сейчас будут сниматься с Ильичем,—вся толпа, стоявшая у избы, бросилась за табуретами, скамейками.

Всем хотелось побыть хоть минутку с Ильичем рядом.

Ленин среди крестьян дер. Кашино 14 ноября.

Скоро вся деревня, стар и мал, была в сборе и усаживалась.

Среди кашинских крестьян много было и приезжих.

Через несколько минут Ильич уже сидел среди крестьян, рядом с Надеждой Константиновной.

Ребятишки, сшибая друг друга, все устремились сесть поближе к своему дорогому Ильичу, около его ног.

Много времени ушло на то, чтобы усадить их.

Ильич сам их усаживал, гладил по голове, смеялся.

Заметив, что приготовления и усаживание длятся долго, он шутя сказал фотографу:

— Товарищ, вы у меня ребят не заморозьте.

Феофанов ответил:

— Ничего, Владимир Ильич, они у нас крепкие, выдержат.

И он улыбнулся.

Так с этой дорогой навсегда улыбкой для крестьян деревни Кашино и вышел на карточке.

Кому, как не Ильичу, была известна крепость молодого поколения. В те тяжелые годы у него сильнее всех болело сердце за ребят, но он знал, что они всякие невзгоды выдержат.

Ильич вошел опять в избу, пробыл в ней не более пяти минут и со всеми крестьянами направился к устроенной трибуне около столба с натянутыми проводами.

Этот столб и по сию пору цел, и когда крестьяне проходят мимо него, они вспоминают своего дорогого гостя.

На улице Ильича обступили ребяташки, брали его за руки.

Всю дорогу он разговаривал с ними и спрашивал их:

— Как учитесь? Учат ли вас закону божьему?

И смеялся с ними, часто повторяя:

— Вот это будущие коммунисты.

Родионову он сказал:

— Как же вы, тов. Родионов, говорили, что все у вас поизносились. А я вот вижу, крестьяне у вас одеты прилично.

— Старенькое, Владимир Ильич. У кого что было.

По дороге к трибуне крестьянки разговаривали между собой, хлопая себя по подолу.

— А вот говорили, что Ленин—азият, а он, какой человек-то хороший! Моего мальченку все поближе, поближе к себе усаживал.

— Удивительно!—добавляли крестьяне,—такой человек, а ни кольца золотого, ни цепочки, ни часов золотых... удивительно!

Около Надежды Константиновны шел уверенный крестьянин из села Ярополец и на все лады упрашивал ее, чтобы Ильич приехал к ним:

— У нас село образцовое... Да и недалеко... Дорога хорошая...

Долго потом кашинские крестьяне ругали этого проныру яропольца, что он им помешал дольше побыть с Лениным и высказать ему все.

Пришли к месту митинга.

Митинг открыл Дмитрий Родионов привет-

ственными словами и произнес речь, заглядывая в бумагу.

Родионов говорил о том, что только Советская власть дала им возможность получить „нестественный свет“ в свои избы, что этот свет прорежет не только их ночную темноту, но и выведет их на правильный путь.

— „При царском правительстве мы могли только мечтать. Благодаря революции, мы добились цели.

Наука забила темноту в стеклянный пузырь и преподнесла нам на радость“.

Бодрая крепко сложенная речь Родионова понравилась Ильичу. Он аплодировал ей вместе с другими.

11 декабря 1920 года Сергей Курков получил от тов. Л. Фотиевой письмо, в котором говорилось:

„Владимир Ильич очень Вас благодарит за карточки и просит достать ему речь того товарища, который снят рядом с Надеждой Константиновной, он будет цитировать ее на Съезде Советов“.

Во время речи Родионова Ленин стоял среди ребят, потом взшел на трибуну (простой крестьянский стол).

Ильич был виден всем.

Сняв шапку, он начал, поблагодарив за радужный прием:

— „Товарищи крестьяне! О значении электричества я скажу в конце, но прежде всего позвольте вас порадовать.

Только что мною получено известие: на фронте наши дела идут весьма благополучно.

Врангеля через неделю не будет.

Это мы определенно знаем и подчеркиваем“.

(Ильич, покачиваясь, подчеркивал то правой, то левой рукой. Эти движения помогали его словам, простым и продуманным, проникать в самую глубину крестьянского мозга. Не потому ли и теперь кашинские крестьяне многое помнят из сказанного Ильичем почти слово в слово).

Сообщение о благополучных делах на фронте вызвало целую бурю.

Крестьяне закричали, долго несмолкавшее, „ура“ и побросали свои самодельные бараško-вые шапки в воздух.

Смолкли.

Ильич продолжал:

— „Мир с Польшей будет. Мы этого добьемся.“

Что выгодно помещикам и невыгодно крестьянам, это мы тоже знаем. Нам нужен мир, чтобы залечить наши раны, чтобы приступить к устройству крестьянского хозяйства.

Этого мы не сможем сделать раньше, чем не разделаемся со всеми нашими врагами.

Вы видите, ваша деревня Кашино пускает электричество. Это только одна деревня. Но нам важно, чтобы вся страна была залита светом.

Советское правительство разрабатывает сейчас проект электрификации. Электричество будет нам обрабатывать и удобрять землю, будет возить нас“.

Опять „ура“, кидание шапок. Интернационал.

Ильич был очень тронут этим отношением к нему крестьян и вошел вторично на трибуну.

— „Мы с вами теперь познакомились. Я приеду к вам как-нибудь летом, поживу у вас подольше“.

„Тут у нас все ладони переколотили — рассказывает Родионов, — никто до того не предполагал, что бы глава правительства, сам Ленин — был таким простым и отзывчивым, словно мы его много годов слышали, много годов вместе жили“.

Речь Ильича была продуманная, с жаром, но короткая.

Он торопился в Москву на какое-то заседание и с трудом согласился проехать в село Ярополец.

У автомобиля Ильич просил некоторых приехать в Кремль, просил привезти фотографические карточки и, распрощавшись, уехал.

Автомобиль тронулся быстро.

На обратном пути из Яропольца, когда было уже совсем темно, ребяташки подкараулили своего Ильича и встретили его „ура“, потом, чуть не плача, с известием „Ленин уехал“, прибежали в избы.

В том же доме, где Ильич останавливался, был устроен обед.

Крестьяне пели песни, смеялись и радовались. Им очень хотелось спеть революционную, но так как большинство не знало слов, получилось одно

мычание. Но и это мычание говорило более другого о пробудившейся в них силе и о любви к своему вождю.

Сергея Куркова совсем затормошили:

— Сережа, вот поди-шь ты... Вот каким рос, а знали, что из тебя толк будет. Дай я тебя расцелую.

— Ведь додумался же кого пригласить к нам...

— Знали, что из тебя человек выйдет.

Просторная и чистая изба бывшего церковного старосты вся по углам была заклеена дешевыми лубочными картинками.

Георгий победоносец висел тут и с короной, и без короны, во всех видах.

Крестьяне говорили:

— Георгия долой нужно. Сюда портрет Ильича надо.

А стул, стол, посуду, из которой он пил и ел,—всю сохранить надо.

Крестьяне деревни Кашино и теперь вспоминают разные подробности, в связи с приездом Ильича.

Они всем рассказывают, как Ильич усаживал деревенских, плохо одетых и чумазных ребят, все время с ними шутил, а перед фотографированием сделал внушение, как им нужно себя держать и велел им смотреть в черное пятнышко аппарата, не смеяться, не шевелиться, что ребята и выполнили с честью.

До приезда Ильича они говорили:

— „Ну, где ему приехать, он очень занят, да и где ж это видано, чтобы глава государства раз-

езжал по глухим деревням и беседовал с простыми мужиками.

Могут ведь и убить его, вот поехал он в Москве на какую-то фабрику, его там и поранили.

А что же зря голову класть, ведь его должно беречь, он нужен для нашей Республики“.

Вообще же все были очень удивлены, когда увидели Владимира Ильича с Надеждой Константиновной без охраны из пушек и пулеметов.

Молодой крестьянин Семенов, ехавший с Лениным в автомобиле, рассказал следующее.

— „Заморозило.

Два часа дня. Я стоял на краю города и смотрел по направлению московской дороги.

Вдали показался автомобиль и в центре города (Волоколамск—город очень маленький) он был остановлен постовым милиционером.

— „Пропуск?“

Из автомобиля вышел высокий и худощавый незнакомец в жеребковой тужурке, в синих брюках и сапогах.

Незнакомец этот сказал:

— Едут должностные лица.

Милиционер опять попросил пропуск, установленный Московским Советом, и тогда лишь отошел в сторону, когда незнакомец пред'явил ему большую бумагу.

Я подошел к автомобилю. Незнакомец попросил меня указать дорогу в деревню Кашино и пригласил меня в автомобиль.

Войдя, я пожал Ильичу и Надежде Константиновне руки, сказав: „Здравствуйте, товарищи“, и сел на свободное место.

Проезжая мимо фабрики б. бр. Старшиновых, Ленин спросил, чья была эта фабрика, что на ней вырабатывалось, что вырабатывается теперь, сколько на ней было и есть рабочих.

Потом спросил:

— Как у вас вывозят продрозверстку, сено, хлеб?

Я ответил:

— Вывозят, но с большим затруднением.

Тут мы приехали в деревню Кашино.

Я зашел к Куркову-отцу и, сказав ему, кто приехал, попросил его проводить до места открытия.

Войдя в автомобиль, дедушка Андрей сказал:

— Здравствуйте, тов. Ленин!

Ильич успел спросить его:

— Ну, как вы здесь живете?

На что дедушка Андрей Курков ответил:

— Ничего, слава богу, дышим.

И теперь молодой Семенов гордится тем, что он ехал в одном автомобиле с Лениным.

И теперь дедушка Андрей повторяет:

— Батюшки! Кого я привез-то!

И теперь, когда в деревне Кашино бывают когда-либо несправедливости, все крестьяне в один голос говорят:

— Кабы видел Ильич, не попустил бы.

Ильич Ленин для крестьян деревни Кашино — самое дорогое имя.

О чем расспрашивал Ильич крестьян.

Во время своего приезда в Кашино Ильич беседовал с крестьянами о их нуждах.

Большое впечатление на него произвели беседы с крестьянами и их простые откровенные рассказы о проводившейся тогда продразверстке.

Крестьяне говорили, что сама разверстка не так тяжела, но она запугивает их.

— „Живем, Владимир Ильич, в неизвестности. Всего ожидаем, а лучше всего обысков.

Принуждены прятать не только хлеб, но и имущество, не только излишки, но и самое необходимое. А и отнимать-то их вовсе не след.

Крестьяне откровенно рассказывали Ильичу про то, что и скот им приходится уничтожать или скрывать, и посевы уменьшать или ухудшать их обработку.

Переминаясь с ноги на ногу, спрашивали и почтительно отходили.

Ильич во все вникал и на каждый запрос — давал ответ.

Эти беседы Ильич вел осенью 1920 года, а зимой он уже внес и защищал на Съезде Советов проект декрета о мерах укрепления сельского хозяйства, где ясно проглядывала мысль о необходимости поощрения сельских хозяев, правильно ведущих свое хозяйство и добросовестно выполняющих государственные повинности,

С еще большей настойчивостью тов. Ленин намекает на этот вопрос на X-м съезде партии в марте месяце, и вопрос о переходе от продразверстки к продналогу разрешается положительно.

Тов. Ленин обладал способностью чутко и внимательно относиться к нуждам крестьян и рабочих, умел правильно и своевременно увидеть настроение трудящихся и предупредить могущие возникнуть между ними разногласия.

Недаром в своей речи в деревне Кашино он больше всего говорил о рабоче-крестьянском союзе, о рабоче-крестьянской смычке.

Крестьяне деревни Кашино поняли своего вождя, и теперь, когда зайдут воспоминания о прошлом горячем времени, они говорят:

— „Такое то время было, как ни сойдутся, — все спор. А теперь мы это и за спор-то не считаем: так, беседа на политическую тему“.

Вот эти-то „беседы“ и дороги всегда были тов. Ленину.

Со слов крестьян он получал представление о состоянии сельского хозяйства более полное, чем, может быть, из многих книг.

Ильичу важно было знать:

— Как живет крестьянин?

— Как он себя чувствует?

— И что он хочет?

Не потому ли первые слова его к кашинским крестьянам были за широким крестьянским столом:

— „Как вы здесь живете, как себя чувствуете? Насколько подействовала на ваше хозяйство война, революция?“

И кашинские крестьяне, не стесняясь, говорили ему о том, как в восемнадцатом году они жмыхи ели и что теперь с продовольствием стало лучше, если бы не страх, что отберут, да нехватки фабричных товаров.

У крестьян давно назрела потребность высказаться перед таким человеком, который познал бы их и мог бы им помочь,

Не оттого ли они так и приуныли перед открытием электрической станции, когда у них не было надежды увидеть не только тов. Ленина, но даже кого-нибудь из Москвы.

Кашинские крестьяне перед Лениным все выкладывали наружу, ничего не преувеличивая, не уменьшая.

Да и нельзя было солгать испытующим глазам Ильича.

Ильич мало им отвечал, а если отвечал, то в немногих словах. Он больше *слушал* и спрашивал.

Свое краткое слово на митинге он закончил указанием на необходимость сохранения союза рабочих и крестьян.

Эта же мысль проскальзывала и во всех его ответах.

Когда ему крестьяне говорили:

— „Хозяйство слабеет, Владимир Ильич, товаров нет, последние рубахи донашиваем, сена не стало и прочее“,

Он им отвечал:

— „Ничего поделывать с этим нельзя.

Так должно было произойти. Раз война,—отсюда и несчастье.

Такая революция, как Октябрьская, не могла не родить разрухи.

Почему?

Потому что до нее хозяйство и без того было плохо, а с добром своим помещикам и фабрикантам было *трудно* расставаться.

Они портили и прятали все, что можно“.

— Настанет то время,—говорил Ильич кашинским крестьянам,—когда власть Советская окрепнет, хозяйство наладится, пойдут фабрики и заводы. И товары будут, и сено и рубахи.

Но для этого прежде всего должен быть крепок рабоче-крестьянский союз, крепок на деле, а не на словах“.

Так Ильич и говорил крестьянам.

Просто и внушительно!

И те крестьяне, с которыми беседовал Ильич, отлично помнят все.

Дедушка Андрей Курков.

Крестьянин с зачесанными за уши волосами, с пробором на левой стороне, в очках, с крепкими зубами, седенькой бородкой и легким румянцем.

— „Три царя,—говорит,—в мое время были, а ни одного не видел и не жалею. А тут вот

пришлось с Ильичем в автомобиле проехаться, никогда этого счастья не забуду“.

Дедушка Андрей и сейчас жив. Грамотный он, сам речь Родионова переписал, но часто любит сомневаться.

Когда сын его об электричестве думал, — не одобрял его отец, потом целоваться лез. И теперь, когда сын думает о тракторе для Кашина — дедушка Андрей не верит. Не достать!

— „Вылез я из автомобиля, важнее Ленина, кругом наши, все в сборе. А я перед тем только зятьев выпроводил, как Семенов прибежал.“

Ильич ко мне:

— „Чем здесь крестьяне занимаются?“

— „Страна земледельческая, Владимир Ильич, — отвечаю, — преимущественно занимались льноводством“.

— „А как теперь?“ — спрашивает.

— „Теперь кончили льноводство, невыгодно“.

— „Почему?“

— „Закрыты, говорю, два маслобойных завода, а это“...

Тут Ильич спросил местных властей, почему закрыты, те ему ответили, что заводы закрыты потому, что производства централизуются. Хотел я Ильичу правду всю сказать, что наши заводы были лучше, из жареного семени масло делали, а мы получаем по осьмухе с керосином да нефтью, — и сказал бы, если б не этот бес, ярополец: — вертится тут, вертится: тов. Ленин, тов. Ленин... Такая досада!

Так и не пришлось. До сих пор жалею.

Ильич еще мне вопрос:

— „Все ли поля засеяны?“

— „Ну, думаю, метко он клюет. Дескать, льноводство бросили, что ж с полями-то“.

Отвечаю: „Все, Владимир Ильич“.

И так почти с каждым крестьянином говорил тов. Ленин. Он интересовался самыми малыми подробностями и поражал крестьян прежде всего меткостью своих вопросов.

Лишнего не спросит, нужного не пропустит.

Ильич подходил к крестьянам прямо, без окольных путей.

На прямой вопрос—прямой ответ.

— Не то что другой, как заведет,—говорят крестьяне.

Степан Степанович Круглов.

Круглов в то время был секретарем уездного комитета партии, и ему пришлось быть на открытии электрической станции в деревне Кашино. Другие работники были в раз'ездах по Волоколамскому уезду. Никто из них не знал, что Ленин приедет в Кашино.

Круглов разговаривал с Ильичем, и его воспоминания особенно ценны:

— „Я сел в мотор Ильича и отправился с ним и Надеждой Константиновной в село Ярополец, в шести верстах от Кашина.

Когда мы приехали в Ярополец, уже смеркалось.

Зажженные фонари мотора осветили многолюдную толпу собравшихся у народного дома крестьян и встретивших дорогого гостя восторженным „Ура!“

С трудом пробравшись сквозь эту толпу в помещение Народного Дома, переполненного крестьянами, Владимир Ильич попросил себе слово.

В нем он указывал на наследство, доставшееся Советскому правительству от царизма, и на те трудности, в которых приходится этому первому в мире рабоче-крестьянскому правительству работать.

С ответным словом выступил местный крестьянин Додогорский и в своей искренней красивой речи объяснил все нужды крестьянства, останавливаясь, главным образом, на трудностях получения материала для электрификации.

В заключительном слове Ильич предложил прислать к нему в Кремль кого-нибудь из крестьян, и он пообещал им оказать помощь в получении необходимого материала, что впоследствии и исполнил.

После того Ильич отправился через деревню Кашино в Волоколамск, а оттуда в Москву.

За 15 минут дороги до Волоколамска я решил высказать в беседе с Владимиром Ильичем давно у меня назревшую мысль о переходе от продразверстки к продналогу, о свободном обмене излишков на необходимые предметы хозяйства через кооперацию.

Ильич задавал мне вопросы:

— „Почему я так думаю, почему продналог лучше?“

Я отвечал, что продразверстка пугает крестьянина, убивает у него интерес к расширению посевной площади.

Я об'яснил Ильичу, что крестьянин—собственник, прежде всего, а потому сеять он будет только для своих потребностей, ни больше, ни меньше. Где же государству взять тогда хлеб, так нужный рабочим.

Ильич задал мне вопрос:

— „Почему вы предлагаете проводить продналог на каждого крестьянина отдельно, а не сразу на все общество?“

Я ответил, что это технически затруднительно. При распределении налога внутри общества самим обществом—возникнут споры, месть и тому подобное.

Однако наша беседа была прервана приездом в город, где мне нужно было выходить из машины.

Ильич на прощанье сказал мне:

— „Мы к этому идем“.

И предложил мне написать свои соображения и прислать ему или занести лично. На этом я навсегда лично расстался с дорогим человеком.

Разработав доклад, я не решился отправить его к Ильичу, а отдал свои тезисы в газету „Известия ВЦИК“ через одного московского товарища.

Но в газете они помещены не были.

Вскоре я, заболев туберкулезом, слег в постель. Так и не пришлось мне выполнить данного мною Ильичу обещания.

Уже лежа в постели в Москве я с большою радостью читал декрет о продналоге, подписанный рукой Ленина, но не знаю, вспомнили ли тогда обо мне мои бывшие противники“.

Ленин говорил с крестьянами о их нуждах, Ленин внимательно расспрашивал их о состоянии хозяйства, и кто знает, может-быть, такие крестьяне, как Степан Степанович Круглов, питали ленинскую мысль.

Уже через несколько месяцев писал

Ленин о продналоге.

„Гражданская война 1918—1920 годов чрезвычайно усилила разорение страны, задержала восстановление производительных сил ее, обескровила больше всего именно пролетариат.

К этому прибавился неурожай 1920 года, бескормица, падеж скота, что еще сильнее задержало восстановление транспорта и промышленности, отразившись, например, на подвозе крестьянскими лошадьми дров,—нашего главного топлива.

В итоге политическая обстановка к весне 1921 года сложилась так, что немедленные, самые решительные меры для улучшения положения крестьянства и под'ема его производительных сил стали неотложно необходимы.

Почему именно крестьянства, а не рабочих?

Потому, что для улучшения положения рабочих нужны хлеб и топливо.

Сейчас „задержка“ именно из-за этого.

А увеличить производство и сбор хлеба, заготовку и доставку топлива нельзя иначе, как улучшив положение крестьянства, подняв его производительные силы.

Начать надо с крестьянства. Только через это можно добиться и улучшения положения рабочих и укрепления союза рабочих с крестьянством.

Сделать этого нельзя без серьезных изменений продовольственной политики. Таким изменением явилась замена разверстки продналогом, связанная со свободой торговли после уплаты налога.

Правильной политикой пролетариата в мелкокрестьянской стране является обмен хлеба на продукты промышленности, необходимые крестьянину.

Только такая продовольственная политика отвечает задачам пролетариата, только она способна укрепить основы социализма и привести его к полной победе.

Продналог есть переход к ней. Мы все еще так разорены, так придавлены гнетом войны, что не можем дать крестьянину, за весь нужный нам хлеб, продукты промышленности.

Зная это, мы вводим продналог, т.-е. минимально необходимое (для армии и рабочих) количество хлеба берем, как налог, а остальное будем обменивать на продукты промышленности.

Нужда и разорение таковы, что восстановить сразу крупное фабричное социалистическое производство мы не можем.

Значит, необходимо помогать восстановлению мелкой промышленности, которая не требует машин, ни крупных запасов сырья, топлива, продовольствия, которая может немедленно оказать известную помощь крестьянскому хозяйству и поднять его производительные силы.

„Где есть миллионы мелких производителей,— писал тов. Ленин:—там неизбежно развитие частного обмена, торговли, т.-е. капитализма“.

Бояться его нечего, а надо лишь стараться направить в русло государственного капитализма.

Весь вопрос состоит в том, чтобы найти правильные способы того, как именно направить.

Тов Ленин указывал, как Советская власть направляет развитие капитализма в русло государственного капитализма. Он говорил о концессиях и о кооперации.

Крестьянин Степан Круглов, беседуя с Лениным, сошелся с ним в вопросе о кооперации, и тов. Ленин, прощаясь с ним, сказал ему:

— Мы к этому идем.

Перед лицом Ильича всегда стояли важные задачи, сложные, запутанные и всегда он их разрешал своим глубоким умом просто и ясно.

Он всем задавал свои безчисленные вопросы, ибо лучше переспросить и составить себе верное мнение, чем недоспросить и представить себе все в ложном свете.

Тов. Ленин великолепно знал все крестьянские нужды и если он при встрече с крестьянами и спрашивал о них, то не с целью подойти к крестьянину, представиться ему хорошим человеком, но лишь с одной целью, как бы не ошибиться.

Вот почему никогда во всех его меропрятиях не было *никаких* ошибок. И если сейчас враги т. Ленина хотят кого-то уверить, что он знал хорошо лишь русских трудящихся, и что надежды его на мировую революцию не оправдались и не оправдаются,—то надо спросить не их, а самих трудящихся и спросить именно Ленинским вопросом:

— „Ошибка ли это, товарищи?“

Смычка на деле.

Сергей Курков два раза был в Кремле в кабинете Ленина. Ещё будучи в деревне Кашино, Ленин сказал ему, что он его ждет.

— „Если будут какие нужды, приезжайте, буду рад вам помочь“.

А нужды оказались не за горами.

Разве мало в то время было нужд у крестьянина?

Но Сергей Курков не по личным делам ездил, а за помощью к Ильичу в деле электрификации Волоколамского уезда.

Первое дело у крестьянина Сергея Куркова было—достать динамо-машину определенной силы для электрической станции города Волоколамска.

Второе дело — достать динамо-машину для своей деревни.

Сельско-хозяйственное товарищество „Заря“, устроив электрическую станцию в деревне Кашино, на открытие которой приезжал Ильич, — встало перед новой задачей.

Крестьяне близлежащих к Кашину трех деревень часто приезжали в Кашино и, видя удобства электрического света, просили товарищество, чтобы и у них в избах было электричество.

Вообще говоря, крестьяне-соседи быстро узнали о кашинском благоустройстве, а про приезд Ленина говорили так:

— Кашинцы все стали коммунистами, вот к ним Ленин и приехал.

Когда же узнали, что это совсем не так, что Ленин приезжал, как простой, обыкновенный человек, то очень удивлялись и жалели.

— Жаль, что и нам не пришлось его видеть.

Товарищество „Заря“ вняло просьбам своих соседей и приступило к постройке нового здания для будущей районной электрической станции.

Деревни этим согласием товарищества были обрадованы и согласились принять участие в работе.

Необходимо было достать для этой станции динамо.

Это было второе дело у Сергея Куркова к Ильичу.

В то время без помощи Ильича приходилось туго.

О динамо писались, печатались бумаги, заклеивались в пакеты и отсылались по разным адресам.

Много сил и энергии ушло на эту бумажную работу, а в итоге — динамо не было.

Только толстели с каждым часом папки дел.

Составлялись целые „библии“ всевозможных отношений, просьб, ходатайств, актов обследований со многими подписями, печатями различного вида и тысячными номерами.

Такие „библии“ в то время были в каждом учреждении, и лежали они в шкафах; — вынимались же ради того, чтобы „пришить“ к ним новую бумагу.

Забрав подобную „библию“ — дело о приобретении динамо-машины столько-то вольт, столько-то сил для электрической станции г. Волоколамска и заручившись от местного совета народного хозяйства мандатом, в котором говорилось, что согласно словесного распоряжения тов. Ленина крестьянин деревни Кашино командировается в Москву, в Совнарком. — Курков отправился. Заодно захватил тов. Ленину и фотографические карточки.

— „Пришел я к входным воротам, где давали пропуск в Кремль, — рассказывает Сергей Курков.

— Пропуск мне тотчас же выдали, и я отправился в приемную комнату Совнаркома.

В просторной приемной было немного посетителей, были такие, как и я. Мне предложили сесть,

Не успел я разобраться в бумагах, как меня попросили пройти наверх, где находился кабинет Ильича.

Дрожащими руками я снял пальто, шапку и с замиранием сердца пошел в кабинет Ильича.

Когда я еще ехал от Волоколамска до Москвы, когда я получал пропуск и сидел в приемной, — я представлял себе Ильича в хорошо убранной комнате, с богатой обстановкой, я видел Ильича сидящим в глубоком кресле и погруженным в дела.

Меня брало сомнение: будет ли Ильич разговаривать со мной?

С нетерпением я ждал этого часа.

Когда же я перешагнул порог кабинета Ильича, все мои предположения не оправдались, и сомнения рассеялись.

Ильич не сидел в глубоком кресле.

Он медленно ходил по комнате.

Кабинет оказался самым простецким.

Черная невычурная мебель, письменный стол, томы книг и кипы газет; вот и вся та богатая обстановка, какую я себе представлял в воображении.

Да даже, если бы и этого не было, я сразу почувствовал бы, что передо мной все тот же Ильич, тот же, который был в моей деревне, говорил с крестьянами, ехал в одном автомобиле с моим отцом.

Как я вошел, Ильич остановился, пожал мне руку и попросил меня сесть.

Когда я столкнулся глазами с его искрящимся, глубоким взглядом,—мне стало как-то вдруг бодро и радостно.

Такое состояние у меня бывало лишь при встрече с любимым близким человеком.

Ильич спросил меня:

— „Что нового у вас в деревне? Как работает станция?“

Я сказал ему, что мы хотим устроить районную электрическую станцию. К нам присоединяются еще три селения. Из них были у нас делегаты и просили включить.

Ленин заинтересовался нашим новшеством и был весьма рад, что электричество в одной деревне сделало такие результаты.

— „Делайте товарищи организуйте и достигнете,—говорил он,—я со своей стороны вам помогу“.

Потом мы перешли к делу о динамо-машине для Волоколамска

Увидев мою „библию“, которую я держал все время в руках, Владимир Ильич попросил меня ее оставить ему.

— „Оставьте ее мне, зайдите ко мне через некоторое время“,—сказал он.

Тут я передал Ильичу прошение крестьян деревни Кашино.

В Кашине имелись два маслобойных завода и крестьяне просили Ильича, чтобы он сделал распоряжение об их открытии.

Крестьяне писали Ильичу, что в другом централизованном маслобойном заводе масло

вырабатывали механическим путем из сырого семени, почему оно получалось безвкусное.

Кашинские крестьяне получали это масло взамен семени, которое они привозили на этот завод.

Некоторые избегали этой повинности и делали масло на дому, кое-как прожаривая семя.

Льноводство было невыгодно крестьянам и с закрытием двух маслобойных заводов они перестали им заниматься.

То, что не удалось высказать моему отцу во время приезда к нам Ильича, — теперь наши крестьяне изложили Ильичу подробно в большом прошении, которое и просили меня передать ему.

Владимир Ильич просмотрел его и сказал мне, что он уже сделал письменное распоряжение об этом и передал приезжавшему к нему передо мной яропольскому крестьянину Додогорскому, чтобы тот отдал его по месту назначения.

После этого я говорил с Ильичем немного, все время торопился. Мне стыдно было оторвать его от громадной и важной работы своими крестьянскими пустяками.

Но для Владимира Ильича крестьянские нужды были не пустяк.

Он отнесся к ним с чисто-родительским вниманием.

С чувством большой любви к Ильичу и спокойный за кашинских крестьян я вышел из его кабинета и в тот же день поехал в Кашино.

В деревне меня замучили расспросами.

— Как приехал, да что Ильич, на чем сидит, как встретил, вспоминали ли про нас, понравилась ли ему наша электрификация и т. п.

Я рассказал им обо всем с большими подробностями.

Известие о том, что Ильич благосклонно отнесся к их прошению об открытии маслобойного завода—всех порадовало.

Вера в Ильича росла и крепла в каждом.

— Он все видит и может и сделает, как лучше.

Через неделю я опять приехал к Ильичу.

Он меня встретил также гостеприимно, как и в первый раз, усадил и много расспрашивал о крестьянах.

Мне в разговоре он упомянул, что как удобен электрический плуг и что его легко можно применить у нас.

Относительно динамо-машины для Волоколамска сказал:

— Я уже звонил председателю ВСНХ тов. Рыкову, чтобы он справился, есть ли требуемая вами машина.

Сейчас мне еще неизвестен исход, но к следующему разу, как вы приедете,—я вам скажу окончательно.

Я передал Ильичу просьбу крестьян села Путьтино прибыть к ним на открытие электрической станции, стройка которой началась в одно время с кашинской, но почему-то запоздала.

Ильич ответил, что сейчас он не располагает своим временем, а там увидит.

На этом мы расстались. В свой второй приезд в Москву я последний раз видел Ильича живым.

Когда я прибыл в Москву снова, через небольшой промежуток времени и зашел в Совнарком,—Ильича мне увидеть не пришлось.

Мне была вручена записка от тов. Фотиевой следующего содержания:

„Владимир Ильич в дальнейшем поручает управделу Совнаркома тов. Горбунову,—имеющему также отношение к научно-техническому отделу ВСНХ—оказать вам всякое содействие в ваших нуждах, т. к. сам он совершенно этого не в состоянии сделать по причине громадной массы работы перед с'ездом.

О дне открытия электрической станции (в селе Путятине) сообщите если будет возможность, Владимир Ильич постарается быть“.

Получив эту записку, я решил пойти к Горбунову тотчас же.

На лестнице встретила меня Надежда Константиновна, которая очень ласково расспрашивала меня про всех крестьян, про наши дела и предположения.

У Н. П. Горбунова я встретил очень хороший прием.

В моих руках снова очутилась динамная „библия“, только на этот раз с золотой для нас резолюцией:

„Прошу отпустить, согласно распоряжения Владимира Ильича Ленина, необходимую машину для города Волоколамска“.

В результате мне было отпущено: динамо-машина для электрической станции г. Волоколамска, динамо-машина, менее мощная, для строившейся кашинской районной станции, да еще мотор 4-х сил.

С большою радостью крестьяне встретили пыхтящий грузовик, когда я приехал на нем в деревню с полученным, благодаря помощи Владимира Ильича, мотором и динамо.

Теперь динамо передана в село Ярополец, а мотор мы применяем к молотьебе.

Один старик в нашей деревне, когда видел крутящийся барабан и выбрасываемые один за другим снопы, — широко крестился и называл все нечистой силой.

Зато ребята наши уже знают многое и тоненьким проволочкам не удивляются.

22 января я был в Волоколамске и узнал о его смерти. Вспомнилось его каждое слово, сказанное мне во время моих к нему приездов, и стало тяжело.

На заседании Уездного Исполкома и Укома разрешено было кашинским крестьянам выделить делегата в Москву для несения почетного караула у гроба Ильича.

Наши крестьяне были очень благодарны за это городу и выбрали делегатом меня.

В Москве в Доме Союзов, под траурные звуки марша, я стоял целые сутки и видел своего дорогого учителя долее других.

Я просил разрешения в день похорон нести какую-нибудь вещь, мне хотелось всем телом и

мыслью переживать тяжелые минуты прощания.

Приехав в деревню, я рассказал про все крестьянам, не упустил ни одной мелочи, и они, как и я, видели Владимира Ильича в гробу, того Ильича, который разговаривал с ними, а потом оказывал им не на словах, а на деле большую помощь.

Теперь, когда Ильича уже нет, мы хотим в память о нем устроить Народный Дом в Кашине, план которого был уже утвержден с изменением в Москве.

Кроме того, мы хотим, чтобы на наших полях ходил трактор имени Ильича.

Сельско-хозяйственное товарищество „Заря“, прекратившее свою работу, организовано вновь.

Все состоящие в нем крестьяне снова принимаются за большое дело — улучшение крестьянского хозяйства.

„Делайте, товарищи, организуйте и вы достигнете, — говорил нам Ильич, — а я с своей стороны вам помогу“.

Мы делаем, Владимир Ильич, организуем и, с помощью твоих, оставленных нам, советов и указаний — достигнем“!

124500
ЦЕНТРАЛЬНАЯ
ГРУППА ВОЙСОВ
И. ВЕРДЫН
СВЕРДЛОВ
ВО-ВЕРДЫН

25к

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА
НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

607-2
Колич. предыдущ. выдач

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАРКОМЗЕМА „НОВАЯ ДЕРЕВНЯ“.

НОВЫЕ КНИГИ:

- Агров, А.—Ленин и сельское хозяйство.
Агров, А.—Мировая война и русское сельское хозяйство.
Стр. 40. Ц. 20 к.
Альгеймен, Г.—Сельское хозяйство и крестьянство Норвегии. С 5 рис. Стр. 32. Ц. 10 к.
Зиновьев, Г. и др.—Крестьяне и рабочие.
Зубрилин, А.—Многополье, революция и нап.
Калинин, М. И.—К крестьянам всего мира. Стр. 32. Ц. 10 к.
Круглов,—Основные задачи волисполкомов и сельсоветов.
Ленчев-Финьковский, П. Я. и Савченко, К. Д.—Как живет деревня. Стр. 112. Ц. 55 к.
Санчев, В. Л.—Крестьянская молодежь в Бельгии.
С диагр. Стр. 36. Ц. 13 к.
Смирнов, А. П.—Задачи низовой власти в области сельского хозяйства. Стр. 16. Ц. 5 к.
Смирнов, А. П.—Международное крестьянское движение.
Смирнов, А. П.—Наши основные задачи по поднятию и организации сельского хозяйства. Ц. 25 к.
Смирнов, А. П.—На помощь крестьянскому хозяйству.
Стр. 113. Ц. 25 к.
Теодорович, И. А.—Судьбы русского крестьянства. Изд. 4-е.
Стр. 32. Ц. 12 к.
Леопольдов.—Сельско-хозяйственные уголки. Стр. 64.
Ц. 30 к.
Уголок В. И. Ульянова-Ленина на Всесоюзной выставке.
Изд. ГВК. С 8 фотограф. Стр. 24. Ц. 75 к.

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ:

Москва, уг. Тверской и Моховой, книжный магазин „Новая Деревня“.